языку, переведенная на русский. Обилие в примечаниях указаний на Эразма неудивительно: на протяжении долгого времени в Европе, в том числе и в России его книги служили основными пособиями при изучении латыни. В библиотеке Новгородской семинарии, сформировавшейся на основе библиотек братьев Лихудов и Феофана Прокоповича, Эразм был едва ли не наиболее хорошо представленным автором, причем описанные в каталоге 1779 г. его книги — преимущественно как раз учебные *(a)*. Это обстоятельство, с учетом того, что в духовных училищах России в XVIII веке были распространены рукописные учебники, позволяет предположить, что Цветихиным было переведно одно из многочисленных пособий из рукописного собрания московской духовной академии.

В текст Цветихин вводит не только несколько собственных сентенций, подписанных в примечаниях инициалами «М.Ц.» или «М.Цве.» (одно из таких высказываний находится на семантически важной последней странице книги *(b)*), но

(a) *Григорьева И.Л.* Новгородская культура XVI — XVIII вв. и традиции ренессансного гуманизма (к вопросу об идеях и произведениях Эразма Роттердамского в России) // Новгородский исторический сборник. СПб., 1999. Вып. 7. С. 113 — 122.

(b) Особой оригинальностью эти сентенции не отличаются и из общего корпуса, без указания авторства, невычленимы: «Не можно безпрестанно сердящемуся быть в уме» (с. 257), «Раскаяние истинное никогда поздым не бывает» (с. 336), и т.д.